

УТВЕРЖДАЮ

Первый проректор федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования «Национальный
исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

д.э.н., профессор Вадим Валерьевич Радаев

«13» сентября 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» на диссертацию А.В. Дмитриева «Русская регулярная армия в Сибири (1725-1796 гг.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертационное исследование А.В. Дмитриева посвящено крупной научной проблеме, которая до настоящего времени, как справедливо показал автор в подробном и хорошо структурированном историографическом обзоре, не являлась предметом специального комплексного изучения. Следует при этом сразу же отметить, что, хотя объектом своего исследования автор избрал «контингенты регулярной армии Российской империи, которые дислоцировались на территории Сибири в 1725–1796 гг.» (с. 34), данная работа не является исследованием по сугубо военной истории, но находится скорее на пересечении нескольких направлений современной исторической науки, в том числе социальной и политической истории. Собственно сама регулярная армия рассматривается автором диссертации не только как военный и политический, но и как социальный институт что придает работе несомненную актуальность и научную значимость.

Ставя целью работы “установить, какое положение занимала армия в системе политических и социальных институтов Российской империи в рамках данного региона, определить ее роль в развитии структур имперской государственности в Сибири на протяжении рассматриваемого периода” (с. 33), Дмитриев последовательно анализирует сперва историю формирования дислоцировавшихся в Сибири воинских частей, опровергая и уточняя целый ряд положений предшествующей историографии (глава 1), затем кадровый состав этих частей, уделяя особое внимание социальному и национальному происхождению офицерского корпуса (глава 2), их материальное обеспечение, включая взаимодействие центральных и местных органов власти (глава 3) и, наконец, служебную деятельность и повседневные занятия военнослужащих (глава 4). Подобная структура диссертации представляется вполне логичной и обоснованной, как и хронологические рамки исследования, которые «определяются спецификой этапов государственной политики в области армейского строительства на территории Сибири в XVIII в.» (с. 34).

Как уже сказано, исследование А.В. Дмитриева предваряется детальным историографическим обзором, включающим как отечественную, так и зарубежную литературу. При этом автор не ограничивается лишь работами непосредственно по теме своего исследования, но привлекает обширный круг публикаций по общим вопросам истории России XVIII столетия, что свидетельствует о его понимании рассматриваемой им проблематики в широком контексте политических и социальных процессов этого времени. Всего же список использованной в диссертации литературы насчитывает около двух с половиной сотен названий на русском, английском и немецком языках, подтверждая фундаментальный характер рецензируемой работы.

Особо следует отметить весьма основательную источниковую базу диссертационного исследования А.В. Дмитриева, включающую как опубликованные, так и в первую очередь неопубликованные архивные

документы из двадцати фондов двух региональных и двух федеральных архивов, впервые вводимые автором в научный оборот и в полной мере обеспечивающие решение поставленных в диссертации задач. Впрочем, представленная в диссертации характеристика источников нуждается в некоторых терминологических уточнениях. Так, несмотря на то, что само понятие «закон» на протяжении XVIII в. лишь постепенно обретает современное значение, вряд ли справедливо причислять к законодательным источникам «именные и сенатские указы, адресованные Военной коллегии, командованию Сибирского корпуса, сибирским губернаторам и губернским канцеляриям» (с. 35). Эти акты носили адресный распорядительный характер и, даже если они включены в Полное собрание законов Российской империи, ими, как правило, не устанавливались присущие законодательным актам какие-либо постоянно действующие нормы.

Положения, выносимые А.В. Дмитриевым на защиту, в расширенном виде представленные в Заключении к диссертации, аргументированы, обоснованы и в полной мере подтверждаются результатами проведенного исследования. Так, в частности, совершенно правомерным представляется выделение в истории формирования контингентов регулярных войск в Сибири трех этапов, различающихся, как убедительно показано автором, не только числом воинских соединений, но и способами их комплектования и, как следствие, особенностями социального и национального состава офицерского корпуса. С опорой на конкретные исторические источники в диссертации А.В. Дмитриева сделана попытка показать обусловленность появления в Сибири частей регулярной армии решением центральной имперской властью проблем, связанных с внешними и внутренними вызовами, а также процесс постепенного вытеснения регулярной армией иррегулярных частей сибирского казачества, постепенным снижением их роли в обеспечении безопасности этого региона, хотя эти положения и нуждаются в некоторых уточнениях. В целом же наблюдения и выводы данного диссертационного исследования, как представляется, позволяют

расширить хронологические рамки истории создания в России регулярной армии, традиционно ограничивающиеся реформами Петра Великого. Правомерно было бы говорить о том, что первым российским императором была заложена основа регулярной армии, в то время как процесс ее создания продолжался в течение нескольких десятилетий и после его смерти.

Большое внимание уделено автором диссертации вопросам взаимодействия местных и центральных властей в материальном обеспечении войск. А.В. Дмитриев совершенно справедливо отмечает проблемы, возникавшие в этой связи на протяжении всего рассматриваемого периода, обозначая в качестве их причин помимо отдаленности сибирского региона «неразграниченность сфер военного и гражданского управления в государственном аппарате империи в целом, а также антагонизм интересов центральных учреждений и местных администраторов» (с. 53). Представляется однако, что правильнее было бы говорить не об антагонизме, а о различии интересов, связанном с масштабом решаемых разными ведомствами задач. При этом одной из основных проблем коронной власти в течение всего XVIII столетия была проблема ресурсов – как материальных, так и людских. В этой связи вряд ли справедливы упреки в адрес центральных властей в «нежелании» финансировать содержание в Сибири воинских контингентов на первом из выделяемых автором этапов (1725-1741) или «Сената, Военной коллегии и подчиненных им ведомств, отвечавших за армейское снабжение (Комиссариат, канцелярии Военной коллегии), выделять необходимый объем средств на реализацию» проекта Ф.И. Соймонова. Хорошо известно, что Петр I оставил страну в состоянии тяжелейшего финансового кризиса, на преодоление которого ушло не одно десятилетие. Также очевидно, что, как справедливо отмечает автор диссертации, несостоятельной оказалась идея Петра об обеспечении армии исключительно за счет сбора подушной подати и, соответственно, иные механизмы должны были пройти достаточно длительный период становления, еще более осложнявшийся отсутствием в системе центрального

управления единого финансового ведомства и централизованного государственного бюджета.

Стоит заметить, что одним из несомненных достоинств данной диссертации является то, что, рассматривая различные сюжеты, ее автор нередко прибегает к сравнению положения воинских частей в Сибири с аналогичными аспектами положения частей регулярной армии в европейской России, что позволяет лучше понять роль и место армии как социального и политического института и в региональном, и в общеимперском измерении. Такой подход, вероятно, следовало бы усилить и при изучении проблем материального снабжения, поскольку из текста работы не вполне ясно, были ли проблемы финансирования, а также роль, которую в их решении играли местные власти, сугубо сибирской спецификой или они были характерны для всей страны.

Особого внимания заслуживают имеющие высокую научную значимость выводы А.В. Дмитриева относительно положения «регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в. на региональном сибирском уровне» (с. 396). В частности, принципиальное значение имеет вывод диссертанта о том, что «регулярная армия сохраняла важное значение в качестве механизма социального «лифта» в структуре российского иерархизированного социума периода империи» и что «карьера в русской армии рассматривалась как многообещающая стезя многими современниками, вне зависимости от их этнического происхождения», причем «именно части регулярной армии, сменяя собою □ сибирское казачество в качестве главной вооруженной силы и опоры государственного порядка на территории Сибири, обеспечивали инкорпорацию этого региона в имперское пространство, подчинение жизни и деятельности подданных имперского государства тем же нормам и институтам, что и в масштабе всей страны» (с. 396-398).

Как и всякое комплексное исследование, посвященное крупной научной проблеме, диссертация А.В. Дмитриева содержит ряд

дискуссионных моментов, а также нуждается в некоторых уточнениях. Так, хотя в диссертации достаточно подробно описываются контакты и конфликты между местной имперской администрацией и расквартированными в Сибири регулярными воинскими частями, они рассматриваются лишь «глазами армии», то есть, в контексте решения сугубо армейских задач по снабжению и комплектованию полков. Однако, как решение этих задач сказывалось на системе имперского управления в Сибири в целом и на жизни местного населения, как местное общество трансформировалось под влиянием присутствовавших в регионе полков, как необходимость содержать эти полки влияла на «развитие структур имперской государственности», в диссертации практически не рассматривается.

В частности, хотя А.В. Дмитриев и указывает, что «постоянные контакты между военнослужащими, с одной стороны, и чиновниками канцелярий, городскими обывателями и крестьянами – с другой, порождали специфические формы взаимных отношений в пространстве множества сфер повседневной деятельности», а «их изучение необходимо для более точной оценки роли регулярной армии как в системе имперского аппарата власти, так и в социальной жизни» (с. 4-5), в действительности автор затрагивает их лишь на уровне отдельных казусов в контексте проблем поддержания воинской дисциплины в сибирских частях. Однако более общие «формы взаимных отношений» за этими казусами почти не просматриваются, и тем более не видно, в чем состоит их «специфичность» по сравнению с аналогичными отношениями в других регионах империи, где конечно, возникали весьма похожие казусы и конфликты.

Определенные вопросы вызывает раздел «Методология и методы исследования». Как заявляет автор «методологической основой исследования является теория модернизации» (с. 46). Разумеется, процессам модернизации и их теоретическому осмыслению посвящена огромная литература. Не менее обширна и литература, посвященная и критике теории модернизации, в том

числе, критике ее применимости к России XVIII века. Единственная ссылка, которую дает автор в этой связи (ссылка 113, с. 46) – на статью И.В. Волковой «Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России» (Вопросы истории. 2006. № 3). Однако очевидно, что этой статьей обширная литература по проблемам модернизации никак не исчерпывается. Так, многие исследователи если и употребляют термин «модернизация» для описания исторического процесса в России, то делают это скорее применительно ко второй половине XIX века и более поздним периодам, когда мы наблюдаем индустриализацию, урбанизацию, рост грамотности, изменение демографического поведения и структуры потребления, эрозию традиционных социальных структур и культурных норм. К сожалению, обзор соответствующей литературы в диссертации отсутствует и свою работу по отношению к ней автор не позиционирует, не поясняя, в частности, что такое, в его понимании «модернизация», как она отличается, например, от «преобразований». Соответственно, не вполне ясно, совокупность каких социальных процессов, составляющих «модернизацию», будет автор отслеживать в дальнейших главах. Из следующего абзаца можно понять, что «модернизация» это то же самое что и «европеизация» (с. 46): «Война оказывалась оборотной стороной и основным двигателем европеизации», а та, в свою очередь, видимо, синонимична процессу строительства регулярной армии («регулярная армия выступала в российском варианте модернизационного процесса одновременно и как инструмент, и как достигнутый результат»). Таким образом, ставя себе целью изучение строительства регулярной армии, автор затем называет этот процесс модернизацией, а тот, в свою очередь расшифровывает как «строительство регулярной армии». Итак, круг замыкается: строительство регулярной армии есть строительство регулярной армии! Иными словами, автор никак не подвергает теоретическому осмыслению то, как строительство регулярной армии было связано с более широкими социальными, культурными, политическими процессами в обществе. Как

происходила «модернизация» сибирского общества и имперской администрации под влиянием регулярной армии, в чем конкретно эта «модернизация» Сибири проявилась к концу изучаемого периода, в работе не поясняется. Следует также отметить, что далее по тексту слово «модернизация» встречается всего один раз и, таким образом, ни теория модернизации, ни даже понятие «модернизация» в реальности никак не используются.

Это же относится и к некоторым другим концепциям и понятиям, вводимым А.В. Дмитриевым в данном разделе. Здесь, в частности, упоминаются и «новая социальная история», и «институциональный подход», и «регионально-управленческий подход». Как и в случае с «теорией модернизации», эти «подходы» лишь называются, но не раскрываются. Например, понятие «институциональный подход» расшифровывается с помощью одной-единственной ссылки (с. 47) на работу «Теория и методология исторической науки» (М., 2014). Учитывая, насколько важное место занимает этот подход в современных общественных науках, какие ведутся вокруг него споры, этого вряд ли достаточно.

Из текста работы не ясно, как эти разнообразные «подходы» уживаются и взаимодействуют друг с другом в рамках одного исследования. Не случайно, видимо, ни одна из этих концепций, задающих, по словам автора, методологическую рамку его работы, не упоминается в разделе «Теоретическая значимость исследования».

Можно указать также на недостаточное теоретическое обоснование выбора именно Сибири как объекта исследования. Автор ограничивается лишь констатацией, что «положение этого региона на протяжении XVIII в. отличалось рядом особенностей, затруднявших функционирование здесь структур имперской государственности. Среди них следует назвать: отдаленность Сибири, низкую плотность населения, его полиэтничный и поликонфессиональный состав, постоянный дефицит и неоднородность состава вооруженных сил, необходимых для поддержания и укрепления

властных институтов на данной территории» (с. 4). Однако никаких концептуальных выводов, которые могли бы быть сделаны из этих особенностей, не предлагается. В дальнейшем А.В. Дмитриев лишь подчеркивает практические сложности, которые возникали при создании и снабжении отдельных частей, но никаких выводов об общих особенностях строительства регулярной армии в таких условиях не делает.

Недостаточное внимание уделено в рассматриваемой диссертации и существовавшим в Сибири казачьим и иным нерегулярным формированиям. Автор отмечает, что «до конца первой четверти XVIII в. вооруженной опорой государства в регионе оставались только иррегулярные формирования – команды сибирских казаков. Такое положение диктовало верховной власти настоятельную необходимость замещения казачества частями регулярной армии, поскольку от решения этой задачи напрямую зависела эффективность контроля имперских институтов над жизнью всего населения региона». Таким образом, более высокая эффективность регулярной армии принимается автором за данность. Между тем, существует обширная литература, где постулируется, что именно в условиях, подобных сибирским – большие расстояния, низкая плотность населения, необходимость действовать против степных кочевников – именно иррегулярные конные части, подобные казачьим, долго остаются более эффективным по сравнению с регулярными войсками, действующими по западноевропейской модели.¹ В частности, именно наличием таких условий ряд авторов объясняют задержку с переходом к западноевропейским методам ведения военных действий в Индии и в Китае (пока остальным источником угрозы для него оставались степные кочевники).

¹ В общем виде, см., например, Lorge, Peter A. 2008. *The Asian Military Revolution: From Gunpowder to the Bomb*. Cambridge: Cambridge University Press; Hoffinan, Philip T. 2015. *Why did Europe Conquer the World?* Princeton: Princeton University Press. P. 38, 71; Chase, Kenneth W. 2003. *Firearms: A Global History to 1700*. Cambridge: Cambridge University Press. Применительно к России см. Paul, Michael C. 2004. "The Military Revolution in Russia, 1550-1682." *Journal of Military History* 68(1): 36. Обоснование на примере Индии см. Roy, Kaushik. 2005. "Military Synthesis in South Asia: Armies, Warfare, and Indian Society, c. 1740-1849." *The Journal of Military History* 69(3): 651-90.

Как кажется, это подтверждается и опытом самой России, где даже и в XIX в. для действий в пограничных регионах будут создаваться именно казачьи части (в том числе, и в Сибири). Почему же тогда российское правительство в XVIII в. считало необходимым строить в Сибири именно регулярную армию: действительно ли эти части были эффективней казачьих подразделений? К сожалению, автор этот вопрос не затрагивает, оставляя пространство для будущих исследований, но при таком подходе тезис о более высокой эффективности регулярных частей остается не доказанным. Не рассматривается в диссертации и вопрос о том, как и в какой степени регулярные части адаптировали методы своих действий под влиянием местных условий (в том числе, и перенимая какие-то свойства иррегулярных частей, сближаясь с ними по методам действий, снабжения, комплектования).

В некоторых случаях автор рассматриваемой диссертации, как представляется, несколько переоценивает специфичность изучаемых им явлений и процессов. Так, к примеру, А.В. Дмитриев отмечает, что «выносимые полковыми судами (кригсрехтами) приговоры оказывались наиболее суровыми, в полной мере соответствуя нормам Артикула Военного, а по мере поступления их на рассмотрение вышестоящих инстанции □ наказания для виновных, как правило, смягчались, иногда даже заменяясь гораздо более легкими» (с.352). Однако подобная практика существовала и в гражданском судопроизводстве. На с. 220 автор пишет о взятом правительством Екатерины II курсе «на комплектование даже гарнизонных войска Сибирского корпуса выходцами из европейской части России», но, к сожалению, не поясняет, откуда известно, что это был именно осознанный «курс». Можно предположить, что произошедшие изменения были связаны с тем, что к этому моменту изменилась ситуация с ресурсами офицерских кадров. Наконец, стоит отметить и встречающиеся в работе, хотя и не частые, повторы. Так, например, на с. 192 и 215 дословно повторена фраза о том, что «эти примеры опровергают традиционное представление о

том, что гвардейские полки комплектовались исключительно дворянами, заставляя скорее предположить, что к концу XVIII в. они сделались средством для ускоренного получения обер-офицерских чинов, доступным выходцам из разных сословий».

Высказанные замечания и соображения носят преимущественно рекомендательный характер и ни в коей мере не снижают общего высокого научного уровня рассматриваемой диссертации, полностью соответствующей критериям, установленным п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ 23 сентября 2013 г. №842 и предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, а ее автор безусловно заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв подготовлен доцентом Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета – «Высшая школа экономики», PhD И.И. Федюкиным, рассмотрен и одобрен на заседании секции отечественной истории Школы исторических наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», протокол №1 от «10» сентября 2018 г.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Адрес: 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, 20.
Тел.: (495) 771-32-32
Электронная почта: hse@hse.ru
Сайт: <http://www.hse.ru>

Руководитель Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ,
Доктор исторических наук, профессор

Каменский Александр Борисович

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО РАБОТЕ
С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА НИУ ВШЭ
МЕЗЕНЦЕВА Ю. Ю.

Подпись заверяю

Доцент Школы исторических наук, руководитель
Центра источниковедения, PhD

Федюкин Игорь Игоревич

Подпись заверяю

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО РАБОТЕ
С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА НИУ ВШЭ
МЕЗЕНЦЕВА Ю. Ю.